

Атрощенко Дмитрий Дмитриевич

аспирант

Дулин Константин Александрович

аспирант

ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

г. Ставрополь, Ставропольский край

ПОСТПРАВДА КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ТРИГГЕР КРИТИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

***Аннотация:** данная статья посвящается исследованию понятия «пост-правда». Для более детального анализа затрагиваемой темы авторы обращались к исследованиям разных специалистов.*

***Ключевые слова:** постправда, общество, информация.*

Впервые появившееся в публичном дискурсе всего лишь в 2004 года понятие «постправды» сегодня является одной из самых востребованных категорий для описания текущей социально-политической реальности, вне зависимости идет ли речь об отдельной стране или о мире в целом. При этом постправда вполне обоснованно относится к негативным тенденциям современности, рассматривается как инструмент манипуляции, подчинения, воспроизводства отчуждения и авторитарной власти. Большинство исследований постправды преимущественно разворачиваются в пределах именно такой понятийной диспозиции, рассматривая ее как деструктивный и дискредитирующий фактор по отношению к основополагающим гуманистическим и демократическим принципам и институтам – свободе слова, свободной публичной сфере, открытой общественной дискуссии, опоре на конвенциональное знание о мире, как факторе стабильности и согласия внутри социума.

Несмотря на распространенность и широкое использование понятия, ясное и единое его определение найти не так уж просто. Связано это в том числе с тем, что феномен постправды как таковой по своему сущностному качеству крайне трудно схватываем в своем конкретном, если так можно выразиться, локальном

воплощении. Пытаясь дать ему определение, можно сказать, что это такое состояние знания, при котором отдельные циркулирующие в информационном пространстве сообщения исключительно формой собственного содержания предполагают безусловную истинность, которая постулируется не в силу обращения к достоверности факта, лежащего за содержанием сообщения, вне зависимости от того, насколько эта достоверность может быть подтверждена, но утверждается благодаря чувству индивидуальной убежденности, вызываемому сообщением у его реципиента. «То, «что говорит мне нутро», окружено аурой правды – «правдоподобием», – не обусловленной фактами» [1, с. 387]. Как выражается Илья Будрайтскис: «Плюральные истины не обнаруживают своего негативного момента по отношению к действительности, но заставляют эту действительность принять, в смысле ее игнорирования, в смысле чистой этики убеждения, которая сообщает нам, что не нужно задумываться о том, как все устроено вне нас. То, что у нас есть свобода выбора – главная истина плюральных истин. У нас есть право определять, что является истинным, а что нет» [2, с. 68]. Однако необозримый массив таких сообщений, возникающий в результате их бесконечного сетевого копирования и распространения, обеспечивающегося современными информационно-коммуникационными технологиями, придает индивидуальному феномену убежденности глобальный и всеохватный масштаб. Выражаясь словами Ги Дебора, относящимися к идеологии, можно сказать, что логика постправды способствует «деспотизму фрагмента, который навязывает себя в качестве псевдознания застывшей тотальности, как тоталитарное видение», имеющее при этом, хоть и опосредованную действительным внешним источником, но глубоко индивидуальную локализацию [3, с. 137].

Однако как отмечает Станислав Шурипа: «В постправде есть работа воображения. У постправды есть что-то, что отличает ее от просто лжи – двойственное ядро желания, постоянного поиска смысла реальности, диалога» [2, с. 70]. Чтобы раскрыть подобное предположение стоит обратиться к работе американского исследователя социальной эпистемологии Стива Фуллера «Постправда. Знание как борьба за власть», в которой в связи с процедурой выхода

Великобритании из Европейского союза автор пишет: выступающей против брекзита экспертной позиции «не хватает этики разумного риска, которая бы в полной мере признавала сложность мира, требующего различных форм знания, каждая из которых всегда остается частичной и подверженной ошибкам. Кроме того, демократия должна стремиться принимать такие решения, за которые те, к кому эти решения применяются, хотели и могли бы брать на себя личную ответственность при любых последствиях. Говоря в категориях Канта, любое законодательство должно стремиться к тому, чтобы быть самозаконодательством» [5, с. 36]. Как нам представляется, Фуллер не пытается уточнить понятие постправда; он приводит его определение, чтобы иметь возможность рассуждать о несколько другом понятии: постистине – как о пункте дающем возможность выйти за пределы уровня на котором реализуется постправда как инструмент воздействия (влияния, власти) на массы.

Постистина же есть ситуация сопротивления некоторому господствующему на данный момент представлению о действительности, чреватого изменением этого представления, выражающимся в форме постправды, но при этом являющимся фактором ревизии и деконструкции Абсолюта истины господствующего мировоззрения с позиций универсальной критики эпистемологических оснований достижимости истины как совершенного онтологического знания.

В завершенном виде такая позиция предполагает, в частности в случае конкретно Фуллера как креациониста, признание претензий на истинность за теорией разумного замысла и подобными ей теориями, – в смысле очевидности отсутствия возможности окончательно говорения об истине, но в то же время серьезного отношения к этим теориям их приверженцев в виде максимально обоснованного и объективного отстаивания истинности этих теорий, как проактивной позиции ответственности за идеи о чем бы то ни было. В некотором смысле существование фейком, – того, что идентифицируется таковым, – должно обеспечивать непрекращающееся движение по направлению к тому, что фейком не является. Смысл понятия постистина, таким образом, выражает обращение постправды на самое себя, – фейк сам себя изобличает, тем самым демонстрируя

принципиальную недостижимость истины. «Поэтому искатели правды идут дальше и дальше, пытаясь определить, кто же они, – и бесконечно перескакивая через все новые стены» [4, с. 262]. Что можно считать фактором перманентного критического обращения общества к самому себе.

Список литературы

1. Брауз С. Между правдой, искренностью и сатирой: политика постправды и риторика аутентичности / С. Брауз // Метамодернизм. Историчность, аффект и глубина после постмодернизма. – М.: Рипол Класски, 2019. – С. 386–418.
2. Будрайсткис И. Постправда – истина на рынке / И. Будрайсткис, С. Шурипа // Художественный журнал. – 2019. – №109. – С. 64–73.
3. Ги Дебор. Общество спектакля / Дебор Ги. – М.: Опустошитель, 2014. – 232 с.
4. Померанцев П. Это не пропаганда. Хроники мировой войны с реальностью / П. Померанцев. – М.: Individuum, 2020. – 288 с.
5. Фуллер С. Постправда. Знание как борьба за власть / С. Фуллер. – М.: ИД ВШЭ, 2021. – 368 с.